

Особенности правовых позиций Европейского суда по правам человека по вопросу о доказательствах в уголовном процессе

Вступив в Совет Европы и впоследствии ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), Россия продолжила путь по обеспечению всех элементов процедуры независимого и беспристрастного суда на национальном уровне. Международные стандарты, разработанные Советом Европы, в том числе, Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), касающиеся сферы уголовного правосудия, привлекают все большее внимание российских исследователей и правоприменителей.

Из всех вопросов, возникающих при анализе правил справедливого судопроизводства, можно выделить один, в котором больше всего расхождений в законодательной практике стран-участников ЕКПЧ – это вопрос о доказательствах¹. Доказывание в уголовном процессе представляет собой неотъемлемую часть стандартов справедливого судебного разбирательства по смыслу ст. 6 ЕКПЧ.

По общему правилу ЕСПЧ не указывает национальным судам, как следует добывать и использовать доказательства. Эти вопросы разрешаются внутри национальных правовых систем. Вместе с тем вопрос о доказательствах возникает практически в каждой жалобе, поданной по ст. 6: среди всех жалоб, по которым ЕСПЧ было установлено нарушение ст. 6, количество нарушений Российской Федерации остается самым большим. Это самый высокий показатель среди всех стран-членов СЕ². Соответственно, практика ЕКПЧ в сфере доказательств в уголовном судопроизводстве сегодня вызывает большой интерес со стороны российского юридического сообщества.

В данной работе предлагается проанализировать прецедентную практику ЕСПЧ в соответствии с основными группами проблем, которые затрагиваются ЕСПЧ при вынесении решений по жалобам против государств-участников ЕКПЧ и определить особенности правовых позиций ЕСПЧ по вопросу о доказательствах в уголовном процессе.

1. Презумпция невиновности

В ч. 2 ст. 6 ЕКПЧ закреплено, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом. Различные аспекты данной правовой презумпции были разработаны в судебной практике ЕСПЧ. Так, в решении по делу **Барбера, Мессеги и Ябардо** ЕСПЧ указал, что принцип презумпции невиновности «предполагает, что при

¹ Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. д.ю.н. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012. С. 218.

² ECtHR. The European Court of Human Rights in Facts and Figures (2016). Council of Europe, March 2017. P. 11.

выполнении своих обязанностей члены суда не должны исходить из предвзятого мнения, что обвиняемый совершил...преступление, данная задача лежит на обвинении, и все сомнения толкуются в пользу обвиняемого»³. С точки зрения ЕСПЧ, презумпция невиновности тесно связана с правилом распределения бремени доказывания по уголовным делам, в соответствии с которым обязанность по доказыванию предъявленного обвинения, лежит на стороне обвинения. Презумпция невиновности будет нарушена, если бремя доказывания будет смещено на сторону защиты (**дело Тельфнера**)⁴.

Важное место среди аспектов, связанных с презумпцией невиновности, занимает вопрос о фактических презумпциях. В частности, в **деле Тельфнера** обвинительный приговор был основан на том, что Заявитель отказался объяснить, что произошло в день преступления. В итоге Заявителя признали виновным в наезде на пешехода. Приговор основывался на фактических презумпциях, что принадлежащая заявителю машина совершила наезд на пешехода и в тот момент его (Заявителя) не было дома. ЕСПЧ установил нарушение ч. 2 ст. 6 ЕКПЧ.

Актуальной проблемой является вынесение приговоров сообвиняемым и их влияние на доказывание по последующим делам. Возникает ситуация, в которой одни и те же факты рассматриваются в рамках двух разных процессов в отношении разных лиц. Очень часто выводы суда по первому процессу (тому, который рассмотрен раньше) предопределяют выводы суда по будущему процессу в отношении заявителя. В недавнем **деле Навального и Офицерова** ЕСПЧ установил, что в результате выделения уголовного дела против соучастника хищения, обвиненного в сговоре с заявителями, и его осуждения в порядке особого производства было нарушено право заявителей в соответствии со ст. 6 ЕКПЧ. В частности, в обвинительном приговоре в отношении этого лица были допущены формулировки, не оставляющие сомнений в том, что заявители являлись соучастниками данного преступления. По мнению ЕСПЧ, национальным судом была нарушена обязанность воздерживаться от принятия фактических обстоятельств, изложенных в предыдущем деле, в качестве установленных *res judicata*, то есть без дополнительной проверки, если подсудимый не участвовал в предыдущем процессе. Таким образом, чужим приговором была нарушена презумпция невиновности, установлена причастность к совершению преступления заявителей⁵.

2. Равенство процессуального оружия (*equality of arms*)

³ ECtHR. *Barberà, Messegué, Jabardo v. Spain*. Application No. 10590/83. Judgment of 6 December 1988. Para. 77.

⁴ ECtHR. *Telfner v. Austria*. Application No. 33501/96. Judgment of 20 March 2001. Para. 15

⁵ ECtHR. *Navalny and Ofitserov v. Russia*. Application No. 46632/13, 28671/14. Judgment of 04 July 2016.

Принцип равенства процессуального оружия заключается в том, что каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность изложить свою позицию по делу на условиях, которые не ставят эту сторону в существенно невыгодное положение по сравнению с противостоящей ей по делу стороной⁶. Другими словами, речь идет о том, чтобы у стороны обвинения не было формальных полномочий, которых нет у стороны защиты, чтобы защита имела возможность собирать доказательства, не прибегая к мерам государственного принуждения, а их исследование происходило по одинаковым правилам и для стороны обвинения, и для стороны защиты.

В первую очередь необходимо сказать об активной защите путем приобщения доказательств. К числу прав обвиняемого относится право требовать вызова и допроса свидетелей⁷, представления доказательств⁸. Согласно **делу Перна** п. 3(d) ст. 6 ЕКПЧ оставляет на усмотрение национальных судов разрешение вопроса о том, нужно ли вызывать свидетеля. Нет требования заслушивать каждого свидетеля со стороны защиты. Более того, для признания нарушения ст. 6 ЕКПЧ заявителю недостаточно пожаловаться на то, что ему не разрешили допросить определенного свидетеля, он должен пояснить, почему данный свидетель должен был быть заслушан, почему данное доказательство необходимо для установления истины по делу и важно для реализации прав обвиняемого⁹.

1) Отказ в вызове свидетелей со стороны защиты

К примеру, в **деле Дорохова** ЕСПЧ, анализируя отказ российского суда в вызове свидетелей со стороны защиты, отметил, что ходатайство об их вызове относилось к сути обвинений, однако возможность оправдания Заявителя даже после допроса данных свидетелей оставалась призрачной. В этом деле Заявителя, районного прокурора, обвиняли в получении взяток в виде машин от местного бизнесмена. Заявитель ссылался на то, что честно покупал машины и ссылался на факт передачи денег представителю гаража. Свидетели могли видеть, что Заявитель передал представителю гаража какой-то конверт, но не знал, что там внутри, то есть он не смог бы безусловно утверждать, что там были деньги при том, что сам представитель гаража отрицал факт получения денег¹⁰. Таким образом, ст. 6 ЕКПЧ нарушена не была.

Далее, необходимо упомянуть о проблеме отказа в вызове свидетеля со стороны защиты. Как было сказано в **деле Полякова**, в случае удовлетворения указанных выше

⁶ ECtHR. *Foucher v. France*. Application No. 22209/93. Judgment of 18 March 1997. Para. 34; *Klimentyev v. Russia*. Application No. 46503/99. Judgment of 16 November 2006. Para. 95.

⁷ Необходимо иметь в виду, что понятие «свидетель» в контексте п. 3(d) ст. 6 является автономным: правила допроса свидетелей распространяются также на потерпевших, экспертов, сообвиняемых, понятых.

⁸ ECtHR. *Hümmer v. Germany*. Application No. 26171/07. Judgment of 19 July 2012. Para. 38.

⁹ ECtHR. *Perna v. Italy*. Application No. 48898/99. Judgment of 6 May 2003. Para. 29.

¹⁰ ECtHR. *Dorokhov v. Russia*. Application No. 66802/01. Judgment of 14 February 2008.

требований, при действительной необходимости исследования показаний свидетеля отказ в этом обвиняемому должен быть мотивирован¹¹. В этой связи нельзя не проанализировать **дело Попова**. В данном деле четверо мальчиков наблюдали издалека сцену драки между двоими. Позже один из дерущихся был найден мертвым. Заявителя обвиняли в том, что он избил жертву до смерти. В силу того, что все свидетели были учениками школы для плохо слышащих детей и страдали психическими расстройствами, их показания были ненадежными, так как через полгода (именно тогда было проведено опознание погибшего) они могли забыть о том или ином событии. Заявитель выдвинул алиби, которое могли подтвердить родственники и иные свидетели. Суд допросил родственников, а посторонние свидетели по каким-то причинам заслушаны не были. В итоге, судом были отвергнуты показания родственников из-за риска наличия личной заинтересованности в деле. ЕСПЧ установил нарушение п. 1 ст. 6 ЕКПЧ, так как обвинительные доказательства были шаткими, не было объективных причин того, что других свидетелей помимо родственников Заявителя допрашивать не надо в то время как данные свидетели были очень важными для доказывания алиби, поскольку их показания существенно меняли видение преступления, представленное стороной обвинения¹².

2) Право допрашивать свидетелей со стороны обвинения

Следующим важным аспектом принципа равенства процессуального оружия является право допрашивать свидетелей со стороны обвинения (ч. 3 ст. 6 ЕКПЧ). К примеру, в **деле Люди** ЕСПЧ установил нарушение ст. 6 ЕКПЧ, отметив, что обвиняемому должна быть предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц либо в момент дачи им показаний, либо на более поздней стадии»¹³. Важной проблемой в этой связи является участие в процессе анонимных свидетелей, само по себе использование показаний которых не противоречит ЕКПЧ, однако ограничивается совокупностью условий, призванных обеспечить соблюдение права обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения.

¹¹ В деле Полякова Заявитель жаловался на отказ в допросе свидетеля, который мог бы подтвердить его алиби. Согласно обвинению Заявитель 19 октября продал героин У., в то время, как сам Заявитель утверждал, что не встречался с У. в этот день. Так, одним из элементов защиты было подтверждение алиби для этой даты. ЕСПЧ признал необходимость вызова свидетеля обоснованной. Единственным доказательством того, что Заявитель продал наркотики было показание предполагаемого покупателя, от которого тот отказался на судебном заседании. ЕСПЧ указал, что в обстоятельствах, когда обвинительный приговор основан на предположении, что обвиняемый находился в определенном месте в определенное время, ему должно быть предоставлена эффективная возможность оспорить это предположение // ECtHR. *Polyakov v. Russia*. Application No. 77018/01. Judgment of 29 January 2009.

¹² ECtHR. *Popov v. Russia*. Application No. 26853/04. Judgment of 13 July 2006.

¹³ ECtHR. *Lüdi v. Switzerland*. Application No. 12433/86. Judgment of 16 June 1992. Para. 47.

Анонимными свидетелями являются дающие показания в ходе допроса лица, чья личность остается по предусмотренными уголовно-процессуальными нормами основаниям неизвестной стороне защиты. Очевидно, что использование показаний анонимных свидетелей в качестве доказательств создает угрозу нарушения ст. 6 ЕКПЧ, в частности, права допрашивать свидетелей обвинения, так как при этом обвиняемый лишается необходимой информации, чтобы оспорить надежность показаний свидетеля¹⁴. Основные позиции ЕСПЧ по данному вопросу заключаются в следующем. Согласно делу **Костовски**, в котором ЕСПЧ нашел нарушение п. 3(d) ст. 6 ЕКПЧ, приговор в отношении Заявителя не должен быть основан исключительно на показаниях анонимных свидетелей, которых защита не могла опросить напрямую¹⁵. Далее, важным аспектом является определение легитимных причин засекречивания личности свидетелей и, соответственно, ущемления положения защиты. Это, например, страх мести со стороны обвиняемого¹⁶ или необходимость для полиции сохранить ценного информатора на будущее время¹⁷. К тому же, оценивается, насколько была ограничена возможность защиты задавать вопросы анонимному свидетелю.

В заключение стоит добавить, что в вопросе о приобщении иных доказательств (не относящихся к свидетельским показаниям) к материалам дела по инициативе защиты ЕСПЧ руководствуется примерно теми же подходами, как и в вопросе о вызове свидетелей защиты. Чаще всего установление нарушения ст. 6 ЕКПЧ связано с тем, имеют ли материалы доказательственную ценность или нет¹⁸.

3. Состязательный процесс (*adversarial proceedings*)

Указанный выше принцип тесно связан с принципом состязательности процесса, и в некоторых делах ЕСПЧ, устанавливает нарушение ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ, применяя вместе обе эти концепции¹⁹. В уголовном процессе требование состязательности процесса означает, что как стороне обвинения, так и стороне защиты должна быть дана равная

¹⁴ Шестакова С.Д. Право обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения: европейские стандарты и российское законодательство // Право на судебную защиту в уголовном процессе: европейские стандарты и российская практика / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Издательство Томского университета, 2007. С. 107.

¹⁵ ECtHR. *Kostovski v. Netherlands*. Application No. 11454/85. Judgment 20 November 1989.

¹⁶ ECtHR. *De Kok v. Netherlands*. Application No. 30059/96. Judgment of 26 February 1997.

¹⁷ ECtHR. *Van Mechelen and Others v. Netherlands*. Application No. 21363/93, 21364/93, 21427/93, 22056/93. Judgment of 23 April 1997.

¹⁸ К примеру, в деле **Перре**, где обвинение против заявителя было основано на факте его участия в группировке наркоторговцев. Так, было неважно, что именно говорил Заявитель и остальные члены группировки во время собраний (именно на экспертизе таких аудиозаписей настаивал заявитель). Соответственно, не было найдено нарушения ст. 6 ЕКПЧ // ECtHR. *Perre and Others v. Italy*. Application No. 1905/05. Judgment of 08.10.2008.

¹⁹ Guide on Article 6 (criminal limb) of the European Convention on Human Rights. Strasbourg: Council of Europe/European Court of Human Rights. Para. 92 // http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_ENG.pdf.

возможность знать и комментировать доводы и доказательства, представленные противоположной стороной. Кроме того, от органов государственного обвинения требуется раскрыть все доказательства, которыми они обладают, в пользу подсудимого или против него²⁰.

Нужно лишь иметь в виду, что сущность принципа состязательности ЕСПЧ понимается гораздо более узко, нежели это принято в российской уголовно-процессуальной доктрине. О.В. Кузьмина указывает на то, что ЕСПЧ, говоря о праве на состязательное уголовное судопроизводство, не имеет в виду тип процесса, а сводит принцип состязательности к обеспечению равенства сторон, не затрагивая при этом вопроса о роли суда²¹. В рамках российской правовой традиции под состязательностью понимается разделение процессуальных функций суда и сторон²².

Итак, одним из аспектов реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве является доступность доказательств для стороны защиты в независимости от того, как оценивает их важность для дела сторона обвинения. К примеру, в деле **Натунен** обвинение было построено в большей степени на прослушивании телефонных переговоров обвиняемого. При этом полиция уничтожила часть записей как не представляющих интерес для дела. В суде Заявитель потребовал предоставить полные записи, чтобы он смог их прокомментировать, но их на тот момент уже не существовало. ЕСПЧ в данном деле установил нарушение ст. 6 ЕКПЧ, так как решение об уничтожении доказательств было принято до того, как они были рассмотрены судьей²³.

Однако в деле **Мирилашвили** ЕСПЧ указал, что в случаях, когда доказательство фактически утеряно, в силу объективных причин, невозможность для защиты ознакомиться с ними не всегда нарушает ст. 6 ЕКПЧ. В данном деле записи телефонных переговоров были утеряны (а не сознательно уничтожены как в предыдущем деле). Однако в условиях существования угрозы просто объявлять утерянными невыгодные для следствия доказательства, властям необходимо продемонстрировать, что материалы были действительно утеряны по неосторожности, а не спрятаны от стороны защиты²⁴. Несмотря на это, в данном деле ЕСПЧ установил нарушение п. 1 ст. 6 ЕКПЧ, так как сокрытый от

²⁰ ECtHR. *Rowe and Davis v. United Kingdom*. Application No. 28901/95. Judgment of 16 February 2000. Para. 60.

²¹ Кузьмина О.В. Состязательность и справедливость уголовного судопроизводства: международные стандарты и российские правовые традиции // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: 20–21 марта 2015 года. СПб: Петрополис, 2016. В 2-х частях. Ч. 1 С. 192.

²² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина, И.Б. Михайловской. М.: Проспект, 2014; Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М., 2004.

²³ ECtHR. *Natunen v. Finland*. Application No. 21022/04. Judgment of 31 March 2009.

²⁴ ECtHR. *Mirilashvili v. Russia*. Application No. 6293/04. Judgment of 11 December 2008.

защиты материал являлся одним из самых важных обвинительных доказательств и имел решающее значение для дела. Для сравнения в деле **Джаспера**, при схожих обстоятельствах дела, не было нарушения п. 1 ст. 6 ЕКПЧ, так как скрытое обвинением доказательство не было приобщено к уголовному делу и не было представлено присяжным²⁵.

Важно, что право на доступ стороны защиты к доказательствам не является абсолютным. В уголовном процессе возможно столкновение противоборствующих интересов, таких как национальная безопасность и необходимость защиты свидетелей с одной стороны и права обвиняемого с другой. В деле **Ван Мехелен** ЕСПЧ указал, что только строго необходимые меры, ограничивающие права стороны защиты, могут быть предприняты. Более того, такие ограничения должны быть компенсированы методом судебного контроля²⁶. В этом случае, по мнению Г.В. Дикова, по сути, судьям самим позволяется определять судьбу скрытых стороной обвинения доказательств с одним лишь условием – постараться действовать очень осторожно и с точки зрения интересов стороны защиты²⁷. Как показывает дело **Мирилашвили**, где все материалы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) были сокрыты от стороны защиты, независимо от их содержания, что заранее было предопределено законом, формального участия судьи недостаточно для решения проблемы нераскрытых доказательств, необходимо наличие соответствующих полномочий судьи по оценке того, перевешивает ли общественный интерес в сохранении секретности какого-либо доказательства право Заявителя по ст. 6 ЕКПЧ²⁸.

В завершение анализа данного аспекта проблем доказательственного права в практике ЕСПЧ надо отметить, что ни ЕКПЧ, ни прецедентное право ЕСПЧ не устанавливает, на какой стадии должны быть раскрыты доказательства. Для ЕСПЧ важно, чтобы это было сделано заранее: у стороны защиты было достаточно времени для того, чтобы эффективно участвовать в процессе, не страдая «от переутомления», подготовиться к опровержению этих доказательств²⁹ до того, как суд оценит их и вынесет по ним решение.

4. Допустимость доказательств (недопустимые методы получения доказательств)

²⁵ ECtHR. *Jasper v. United Kingdom*. Application No. 27052/95. Judgment of 16 February 2000.

²⁶ ECtHR. *Van Mechelen and Others v. Netherlands*. Para. 58.

²⁷ Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). Указ. Соч. С. 352.

²⁸ ECtHR. *Mirilashvili v. Russia*.

²⁹ Guide on Article 6 (criminal limb) of the European Convention on Human Rights. Para. 266.

В первую очередь необходимо заметить, что ст. 6 ЕКПЧ не содержит правил о допустимости доказательств: «...хотя статья 6 и гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она не устанавливает как таковых правил допустимости доказательств, что регулируется в первую очередь национальным правом»³⁰. Соответственно, роль ЕСПЧ заключается не в том, чтобы определить, допустимо или недопустимо доказательство согласно нормам национального права, а ответить на вопрос, было ли все судебное разбирательство, включая способ получения доказательства, справедливым³¹. ЕСПЧ оценивает, как правило, не «голые» обстоятельства, взятые *in abstracto* с точки зрения «формальной законности», а справедливость судебного разбирательства в процессуальном контексте всего судопроизводства³².

Итак, ЕСПЧ не связан национальными правилами о недопустимости доказательств. ЕСПЧ сам выявляет ситуации, в которых нарушение ЕКПЧ может быть основанием для признания доказательства недопустимым. Дела, в которых доказательство признается недопустимым, достаточно редки. В большинстве дел акцент переносится на процедуру исследования и проверки таких доказательств. Г.В. Диков называет такой подход динамическим, когда анализ проводится в процессуальном аспекте³³. С его помощью ЕСПЧ анализирует доказательства, полученные с нарушением гарантий ст. 6. К примеру, А.Л. Осипов выделяет следующие типы нарушений ЕКПЧ, связанных с использованием судами недопустимых доказательств: использование в процессе доказывания показаний подсудимого, полученных под давлением; использование в качестве доказательств любых материалов и показаний, полученных в результате подстрекательства заявителя к совершению преступления; использование доказательств с нарушением права обвиняемого на защиту; использование доказательств, полученных с нарушением права подсудимого на уважение частной жизни³⁴.

1) Право не свидетельствовать против себя

При рассмотрении данной категории дел ЕСПЧ сформулировал право, вытекающее из ст. 6 ЕКПЧ – право обвиняемого не свидетельствовать против себя: ведь праву обвиняемого хранить молчание корреспондирует обязательство государства не стараться получить информацию помимо воли обвиняемого, не принуждать к даче

³⁰ ECtHR. *Schenk v. Switzerland*. Application No. 10862/84. Judgment of 12 July 1988. Para. 45 – 46; *Heglas v. Czech Republic*. Application No. 5935/02. Judgment of 01 March 2007. Para. 84.

³¹ ECtHR. *Khan v. United Kingdom*. Application No. 35394/97. Judgment of 12 May 2000. Para. 34.

³² Никонов М.А. Условия справедливого судебного разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-процессуальный аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. М.: Статут. С. 283.

³³ Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). Указ. Соч. С. 240.

³⁴ Осипов А.Л. Реализация требований статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции: дисс. канд. юр. наук, Москва, 2010.

показаний (согласно делу **Сандерса**)³⁵. Данное дело касалось обязанности бухгалтеров и ряда других сотрудников раскрывать информацию о хозяйственной деятельности своих компаний в ходе специальных проверок. При этом сотрудник компании был обязан делать это под страхом наказания (до двух лет лишения свободы). Аргумент Правительства о том, что ответы, которые дал менеджер компании в ходе проверки, не свидетельствовали о его виновности, не убедил ЕСПЧ. Даже если обвиняемый в ходе проверки не дал признательных показаний, он имел право не давать объяснения по существу, в том числе и фактического характера. В деле **Мюррэя** заявителя осудили со ссылкой на то, что он не смог объяснить, как оказался на месте преступления в очень подозрительных обстоятельствах. Британские суды использовали молчание подозреваемого как аргумент, подтверждающий его виновность³⁶. Такая ситуация была расценена как принуждение к даче показаний. Однако право на молчание не является абсолютным. В деле **Яллоха**, которое будет рассмотрено ниже, принудительное изъятие доказательства не было признано нарушением права Заявителя на молчание, так как это являлось единственным доказательством.

2) Право на присутствие адвоката при допросе обвиняемого

Получение доказательств под давлением тесно связано с правом обвиняемого быть допрошенным в присутствии адвоката. В деле **Мэйджи** к подозреваемому в деле о терроризме не допускали адвоката в течение двух с половиной суток. Допросы велись очень интенсивно несколькими группами следователей попеременно, а в перерывах Заявитель был помещен в одиночную камеру. Сначала Заявитель отрицал свою вину, однако позднее дал признательные показания. ЕСПЧ указал, что Заявителю, исходя из процессуальной справедливости, должен был быть предоставлен доступ к адвокату на начальной стадии допроса в качестве противовеса пугающей атмосфере (*coercive environment*), специально созданной, чтобы подавить его волю и заставить признаться следователям»³⁷. Само по себе проведение допроса с использованием тактических приемов, нагнетающих эмоциональную обстановку, вполне допустимо, однако должно быть компенсировано участием адвоката.

В рассмотренном выше деле **Мюррэя** Заявителя допрашивали несколько раз, и каждый раз отказывался говорить. По истечении 48 часов к нему пустили адвоката. ЕСПЧ, установив нарушение п. 3 ст. 6 ЕКПЧ, пришел к выводу, что отсутствие адвоката в такой важный момент (когда любое, в принципе, поведение заявителя могло обернуться для него отрицательными последствиями – действовавшее на тот момент национальное

³⁵ ECtHR. *Saunders v. United Kingdom*. Application No. 19187/91. Judgment of 17 December 1996.

³⁶ ECtHR. *John Murray v. United Kingdom*. Application No. 18731/91. Judgment of 8 February 1996.

³⁷ ECtHR. *Magee v. United Kingdom*. Application No. 28135/95. Judgment of 6 June 2000. Para. 43.

законодательство придавало особенный вес первоначальным показаниям подозреваемого вне зависимости от того, как в последующем менялась его линия защиты) не могло не повлиять на справедливость процесса в целом. В последующих делах ЕСПЧ выработал очень важную позицию, которая заключается в том, что в принципе недопустимо использовать признательные показания, добытые без адвоката, для обоснования обвинительного приговора³⁸.

3) Применение пыток и иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения для получения показаний (нарушение ст. 3 во взаимосвязи со ст. 6 ЕКПЧ)

К числу доказательств, подлежащих безусловному исключению, относятся доказательства, полученные с помощью пытки, то есть в нарушение ст. 3 ЕКПЧ (запрет пыток или иного унижающего достоинство обращения и наказания) во взаимосвязи со ст. 6 – применение пыток для получения показаний. Так, в Постановлении **по делу Левинта** ЕСПЧ отметил, что использование доказательств, полученных в результате применения пыток, делает судебное разбирательство в целом однозначно несправедливым вне зависимости от наличия или отсутствия других доказательств³⁹. **В деле Арутюняна** данная позиция была уточнена: подтверждающее вину доказательство (как в форме признания, так и вещественное доказательство), полученное в результате насилия, жестокости или иных форм обращения, что может быть квалифицировано в качестве пытки, никогда не должно использоваться для установления вины жертвы такого обращения, вне зависимости от своей доказательной силы⁴⁰. Другими словами, сам факт использования доказательства, полученного под пыткой, разрушает обоснованность всего обвинения.

Важно, что ЕСПЧ различает пытки, как наиболее грубую форму нарушения статьи 3 ЕКПЧ⁴¹, и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, которое также запрещено этой статьей. Практическое значение такого разграничения состоит в следующем: если применение пытки однозначно влечет недопустимость использования

³⁸ ECtHR. *John Murray v. United Kingdom; Salduz v. Turkey*. Application No. 36391/02. Judgment of 27 November 2008. Para. 55.

³⁹ ECtHR. *Levinta v. Moldova*. Application No. 17332/03. Judgment of 16 December 2008. Para.100, 104.

⁴⁰ ECtHR. *Harutyunyan v. Armenia*. Application No. 36549/03. Judgment of 28 June 2007. Para. 63.

⁴¹ При этом в своей практике ЕСПЧ не сформулировал развернутого понятия пытки. Для квалификации какой-либо формы воздействия в качестве пытки ЕСПЧ применяет критерии интенсивности, преднамеренности, целенаправленности воздействия. Более того, ЕСПЧ в ряде постановлений обозначены некоторые способы воздействия, которые однозначно квалифицируются как пытки: удары, применение электрошока, палестинское подвешивание, пытки горячей и холодной водой, изнасилование, нанесение ударов по подошвам ног / *Reidy A. The prohibition of torture. A guide to the implementation of Article 3 of the European Convention on Human Rights*. 2003. Human Rights Handbooks, № 6. P. 12 – 15 // <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007ff4c>.

полученного посредством ее доказательства⁴², то оценка использования материалов, полученных при воздействии, не достигающем по своей интенсивности порога квалификации деяния в качестве пытки (речь идет о бесчеловечном или унижающем обращении), требует более вариативного подхода. Такое разграничение проводится с учетом жестокости обращения, индивидуальных характеристик жертвы, наличия или отсутствия умысла и т.д.⁴³. В деле **Идалова** было сформулировано важное дополнение, что даже в тех случаях, когда то или иное обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение или умаление его человеческого достоинства, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности, оно может быть охарактеризовано как «унижающее достоинство» и также подпадать под действие запрета, содержащегося в ст. 3 ЕКПЧ⁴⁴.

К примеру, в решении по делу **Яллоха** ключевым доказательством вины Заявителя являлся мешочек с наркотическим средством, добытый в результате введения в носоглотку Заявителя препарата, вызывающего рвоту. ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 ЕКПЧ, признав, что процедура была болезненной и унижительной и представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Однако из-за того, что данный пакетик представлял собой единственное доказательство вины и национальный суд просто не мог его не принять к производству, нарушения ст. 6 ЕКПЧ установлено не было.

Далее, следует перейти к анализу конкретных дел, связанных с применением к подозреваемым пыток. В отличие от дела Арутюняна, где факт применения пытки был установлен на национальном уровне, в деле **Гладышева** такого вывода российскими судами сделано не было. В данном деле Заявитель подозревался в убийстве милиционера. Заявитель утверждал, что при допросе следователи сломали ему ребра, и после этого он дал признательные показания. В суде он изменил свои показания, однако суд данные показания отклонил и принял те, что были даны на предварительном следствии, объяснив это тем, что условия, в которых проводился допрос, исключали возможность применения пытки к Заявителю. Согласно подходу ЕСПЧ, сформулированному в деле **Сельмуни**, в случаях, когда подозреваемый до ареста был здоров, а после ареста получил травмы, бремя доказывания отсутствия факта пытки лежит на правительстве⁴⁵. Согласно делу

⁴² ECtHR. *Harutyunyan v. Armenia; Jalloh v. Germany*. Application No. 54810/00. Judgment of 11 July 2006. Para. 105.

⁴³ ECtHR. *Ilhan v. Turkey*. Application No. 22277/93. Judgment of 27 June 2000. Para. 84 - 85.

⁴⁴ ECtHR. *Idalov v. Russia*. Application No. 5826/03. Judgment of 22 May 2012. Para. 92.

⁴⁵ ECtHR. *Selmouni v. France*. Application No. 25803/94. Judgment of 28 July 1999. Para. 87.

Гладышева по подобным категориям дел национальным судам не следует ждать, чтобы обвиняемым самостоятельно был доказан факт пытки (именно такой подход был применен российскими судами в рассматриваемом деле). Достаточно серьезного подозрения того, что пытка имела место⁴⁶.

Рассуждая о запрете использования доказательств, полученных при применении пыток и иного бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, возникает вопрос о том, будет ли судебное разбирательство справедливым, если обвиняемый в последующем дает те же показания в условиях, когда пытка к нему не применяется (например, подтверждает их в суде), и следует ли в таком случае исключать первоначальные признательные показания (полученные под воздействием), но принимать последующие. В частности, в деле **Арутюняна** было сказано следующее: «Тот факт, что...лицо призналось или подтвердило в своих дальнейших показаниях признание, сделанное под давлением, перед другим органом, нежели тот, который несет ответственность за жестокое обращение, не должен автоматически приводить к выводу, что эти последующие признания или показания не были сделаны в связи с жестоким обращением и страхом, который это лицо может испытывать в дальнейшем»⁴⁷. Другими словами, сомнение в том, что подозреваемый еще находится под воздействием угрозы применения пытки или бесчеловечного или иного унижающего достоинство обращения сохраняется.

4) Доказательства, полученные путем обмана

А) Провокация преступлений (*entrapment*)

Каждый раз, когда в качестве доказательств по уголовному делу используются результаты ОРД, перед органами предварительного следствия и судами возникает вопрос о возможности использования этих результатов в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и на предмет отсутствия провокации преступления. ЕСПЧ выявил наличие структурной проблемы в системе российского законодательного регулирования ОРД, которая переводит российские дела по жалобам на полицейские провокации в так называемую категорию *repetitive cases*⁴⁸.

В решении по делу **Раманаускаса** ЕСПЧ отметил, что применение органами внутренних дел (далее – ОВД) таких специальных методов расследования по себе не нарушает ст. 6 ЕКПЧ, однако из-за существования риска подстрекательства к совершению преступления, подобные меры будут соответствовать ЕКПЧ в условиях наличия открытой

⁴⁶ ECtHR. *Gladyshev v. Russia*. Application No. 2807/04. Judgment of 30 October 2009.

⁴⁷ ECtHR. *Harutyunyan v. Armenia*. Para. 85.

⁴⁸ *Осипов А.Л.* Судебная проверка жалоб на полицейскую провокацию: применение процессуальных стандартов ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 137.

процедуры их разрешения, осуществления и контроля. Более того, все доказательства, полученные в результате провокации со стороны полиции (со стороны органов предварительного расследования), должны быть исключены⁴⁹.

Согласно ЕСПЧ провокация происходит в тех случаях, когда сотрудники правоохранительных органов или лица, действующие по их поручению, не ограничиваются расследованием преступной деятельности преимущественно пассивно, а оказывают такое влияние, что подстрекают к совершению преступления, которое иначе не было бы совершено, для того, чтобы раскрыть преступление, а именно получить доказательства его совершения и начать уголовное преследование⁵⁰. Соответственно, главным вопросом, который следует разрешить в производстве по данным категориям дел, является способ разграничения правомерного и неправомерного оперативно-розыскного мероприятия.

Традиционно к предмету судебной проверки жалобы подсудимого на провокацию ЕСПЧ относит порядок производства оперативного мероприятия с точки зрения критерия пассивности (*essentially passive manner*). Соответственно, принимается во внимание, «подключился» ли участник ОРД к действиям, уже начатым подозреваемым лицом, либо он начал оперативно-розыскное мероприятие еще до начала самостоятельных действий предполагаемого преступника. В этой связи стоит остановиться на Постановлении ЕСПЧ по делу **Ваньяна**, где было выявлено нарушение ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ, так как было установлено, что привлечение Ваньяна к уголовной ответственности и последующее осуждение стало результатом совершенной сотрудниками ОВД провокации. Согласно фактам дела в отношении Ваньяна было проведено оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» наркотических средств с вовлечением в третьего лица – «тайного агента» (*undercover agent*). Требования ст. 6 ЕКПЧ предполагают, что публичные интересы в сфере борьбы с оборотом наркотических веществ не могут служить основанием для использования доказательств, полученных в результате провокации со стороны милиции. Более того, если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не могут являться деятельностью (обязанностью) тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство означает нарушение ст. 6 ЕКПЧ⁵¹.

Более детально этот аспект раскрывается в решении ЕСПЧ по делу **Веселова**, где ЕСПЧ указал, что в любой негласной операции должно соблюдаться требование о

⁴⁹ ECtHR. *Ramanauskas v. Lithuania*. Application No. 74420/01. Judgment of 5 February 2008. Para. 51, 60.

⁵⁰ ECtHR. *Ramanauskas v. Lithuania*. Para. 55.

⁵¹ ECtHR. *Vanyan v. Russia*. Application No. 53203/99. Judgment of 15 December 2005.

проведении расследования в основном пассивным способом. Это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной или обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома⁵².

Критерий пассивности тесно связан с критериями этапа преступной деятельности лица и критерием наличия объективных подозрений⁵³. У правоохранительных органов должны быть достаточные сведения, свидетельствующие об осуществлении неким лицом преступной деятельности⁵⁴. В частности, в уже упомянутом деле **Раманаускаса** Заявитель работал прокурором, к которому обратился А. (на самом деле являвшимся офицером полиции) и предложил взятку за освобождение третьего лица от уголовной ответственности. Заявитель согласился. Основными доказательствами против Заявителя на суде были показания А. и аудиозаписи их разговоров, в то время как не было подтверждения, что заявитель ранее брал взятки. ЕСПЧ, установив нарушение ст. 6 ЕКПЧ и признав, что имела место провокация преступления, отметил, что именно полицейский первым вышел на контакт с заявителем, сам назначил ему встречу, и таким образом, натолкнул на совершение преступления⁵⁵. Следует сравнить данное дело с делом **Банниковой**, где одним аргументами в пользу того, что провокации не было, служили сведения, полученные из записей телефонных переговоров. Все свидетельствовало о том, что еще до проведения контрольной закупки Заявительница продавала наркотики. Так, по мнению ЕСПЧ, провокации в этой ситуации не было, так как не было подтверждения, что Заявительница с самого начала действовала под давлением правоохранительных органов⁵⁶.

В заключение нельзя не сказать о требовании контроля за проведением таких оперативно-розыскных мероприятий как проверочная закупка или иных негласных операций. В деле **Худобина** ЕСПЧ отметил, что проверочная закупка проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Судебный контроль осуществляется, если в

⁵² ECtHR. *Veselov and Others v. Russia*. Application № 23200/10, 24009/07, 556/10. Judgment of 2 October 2012. Para. 92.

⁵³ *Ланатников М.В.* Спорные вопросы толкования критерия пассивного поведения сотрудников правоохранительных органов в контексте позиций Европейского суда по правам человека по вопросу об отграничении правомерного оперативно-розыскного мероприятия от провокации // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 67.

⁵⁴ ECtHR. *Bannikova v. Russia*. Application № 18757/06. Judgment of 4 November 2010. Para. 40.

⁵⁵ ECtHR. *Ramanauskas v. Lithuania*.

⁵⁶ ECtHR. *Bannikova v. Russia*. Application № 18757/06. Judgment of 4 November 2010.

результате проведения проверочной закупки производится вмешательство в личную жизнь, корреспонденцию и нарушаются другие закрепленные Конституцией права⁵⁷.

Б) Использование информаторов под прикрытием

Ключевым делом в отношении использования доказательств, полученных от свидетелей – «подсадных уток», является **дело Аллана**. Заявителя арестовали и на первом допросе разъяснили ему право молчать по поводу предъявленных обвинений. Заявитель воспользовался данным правом. В силу того, что улики против Заявителя были недостаточно, к нему в камеру подсадили подозреваемого по другому делу, который в то же время являлся информатором полиции. Информатор должен был добиться того, чтобы Заявитель рассказал ему о преступлении как можно больше. Разговоры записывались на пленку. В итоге, в суд были представлены письменные показания «информатора», где он описывал признание Заявителя в том, что тот был на месте преступления. Данного признания не было на пленке. Впоследствии, Заявителем была подана жалоба в ЕСПЧ, в ходе производства по которой информатор был признан агентом государства: ведь если бы полиция не попросила бы его поговорить с Заявителем, не проявила бы инициативу, то признательные показания бы не появились. Таким образом, действия информатора были специально направлены на то, чтобы подавить волю Заявителя, которого поместили в такую ситуацию, где было трудно не высказаться (постоянные допросы полицейских и т.д.). ЕСПЧ решил, что доказательства, полученные с участием информатора, не должны были использоваться в процессе, соответственно, имеет место нарушение ст. 6 ЕКПЧ⁵⁸.

Необходимо также сравнить указанную выше позицию с оценкой ЕСПЧ **дела Быкова**, где речь идет об использовании в процессе против Заявителя записи, которую сделал информатор полиции с помощью скрытого в его одежде микрофона. По мнению ЕСПЧ, в отличие от предыдущего в данном деле не была нарушена ст. 6 ЕКПЧ, так как разговор между заявителем и его приятелем (информатором) записывался не в целях подавления воли подозреваемого и преодоления его отказа от сотрудничества со следствием. Заявитель сам пригласил своего друга в дом, где они вели разговор о совместных делах⁵⁹.

5) Доказательства, полученные с нарушением права на неприкосновенность частной жизни (нарушение ст. 8 ЕКПЧ)

Разрешая такие категории дел, ЕСПЧ пытается установить, было ли вмешательство в частную жизнь единственно возможной мерой для получения

⁵⁷ ECtHR. *Khudobin v. Russia*. Application No. 59696/00. Judgment of 26 October 2006.

⁵⁸ ECtHR. *Allan v. United Kingdom*. Application No. 48539/99. Judgment of 5 November 2002.

⁵⁹ ECtHR. *Bykov v. Russia*. Application No. 4378/02. Judgment of 10 March 2009.

доказательств, были ли четко и ограничительно описаны пределы действий правоохранительных органов.

В деле **Хана** Заявителя задержали при въезде в страну по подозрению в том, что он помогал другому лицу перевозить наркотики. Однако никаких улик против самого Заявителя не было, и его отпустили. Некоторое время спустя Заявитель пришел на квартиру к своему знакомому и в разговоре с ним признался, что он был соучастником контрабанды. Квартира знакомого прослушивалась полицией в рамках другого дела, и этот разговор был записан на пленку, что стало основным доказательством против Заявителя. В уже рассмотренном выше деле **Быкова** запись послужила одним из доказательств, на основании которых суд признал Быкова виновным в организации заказного убийства. В обоих решениях ЕСПЧ указал на то, что оперативно-розыскные мероприятия по прослушиванию частных лиц не регулировались национальным законодательством, следовательно, вмешательство не было законным. Однако ни в деле Хана, ни в деле Быкова не было нарушения ст. 6 ЕКПЧ, так как в деле Хана пленка была единственным центральным доказательством, а в деле Быкова – запись с признанием подтверждалась другими доказательствами, и Заявитель добровольно пригласил в квартиру своего друга, который был послан милицией⁶⁰.

Стоит также сказать о деле **Романа Захарова**, где Заявитель жаловался на то, что при отсутствии процессуальных гарантий российское законодательство обязывает мобильных операторов установить техническое оборудование для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий. Данные меры потенциально могут быть применены к любому гражданину, у которых из-за невозможности получения доказательств о прослушивании нет доступа к эффективным средствам правовой защиты: отсутствует система уведомлений о прослушивании. Так, ЕСПЧ признал нарушение ст. 8 ЕКПЧ⁶¹.

5. Заключение

В данной работе была сделана попытка систематизировать и проанализировать основные правовые позиции ЕСПЧ, связанные с проблемами применения правил о доказательствах в уголовном процессе. Таким образом, можно сделать следующие выводы об особенностях правовых позиций ЕСПЧ по этому вопросу.

1. С точки зрения ЕСПЧ, основная гарантия презумпции невиновности связана с требованием распределения бремени доказывания, контролем за тем, чтобы оно не было смещено на сторону защиты. Важными проблемными аспектами в этой связи является

⁶⁰ ECtHR. *Khan v. United Kingdom*. Application No. 35394/97. Judgment of 12 May 2000; *Bykov v. Russia*.

⁶¹ ECtHR. *Roman Zakharov v. Russia*. Application No. 47143/06. Judgment of 4 December 2015.

проблема применения фактических презумпций и влияние на доказывание приговоров, вынесенных обвиняемым подсудимого.

2. Принцип равенства процессуального оружия реализуется при соблюдении права стороны защиты требовать вызова и допроса свидетелей и приобщать доказательства. В соответствии с проблематикой осуществления данного принципа на национальном уровне в практике ЕСПЧ сформировались такие категории дел: о законных причинах отказа в заслушивании свидетелей со стороны защиты, о нарушении права допрашивать свидетелей со стороны обвинения. К вопросам о приобщении вещественных доказательств применяются примерно те же позиции, что и по указанным категориям дел.

3. Принцип состязательности уголовного процесса понимается несколько уже чем в российской науке процессуального права: его значение сводится к обеспечению равенства сторон, в частности, предоставлению доступа к доказательствам стороны обвинения, наличия объективных причин невозможности для защиты ознакомиться с ними.

4. В рамках исследования правовых позиций о допустимости доказательств было выделено несколько блоков проблем. Во-первых, были изучены основные гарантии уголовного процесса: право не свидетельствовать против себя, которому корреспондирует обязательство государства не стараться получить информацию помимо воли обвиняемого, и право на присутствие адвоката при допросе обвиняемого, которому придается важное значение особенно на первых стадиях допроса с целью исключить риск использования показаний, данных без адвоката, против обвиняемого. Во-вторых, были рассмотрены дела ЕСПЧ, связанные с получением доказательств при применении пытки или иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Использование доказательства, полученного под пыткой автоматически делает судебное разбирательство несправедливым, независимо от наличия других доказательств. Применение иных видов унижающего обращения требует более вариативного подхода и зависит от обстоятельств конкретного дела. В-третьих, были проанализированы дела ЕСПЧ по делам о провокации преступлений со стороны органов предварительного расследования. Главным критерием разграничения провокации и правомерного оперативно-розыскного мероприятия является критерий пассивности, указывающий на запрет подстрекать лицо, которое, возможно, вовлечено в преступную деятельность, к совершению преступления. В-четвертых, в делах с использованием информаторов под прикрытием, прослушивании подозреваемых доказательства, полученные таким способом, признаются недопустимыми.

Список использованных источников и литературы

Список правовых источников

1. Международные договоры

1) Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. С. 163.

2. Национальные нормативно-правовые акты

2) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

3. Решения международных судебных органов

Европейский суд по правам человека

3) *Schenk v. Switzerland*. Application № 10862/84. Judgment of 12 July 1988.

4) *Barberà, Messegué, Jabardo v. Spain*. Application № 10590/83. Judgment of 6 December 1988.

5) *Kostovski v. Netherlands*. Application № 11454/85. Judgment 20 November 1989.

6) *Lüdi v. Switzerland*. Application № 12433/86. Judgment of 16 June 1992.

7) *John Murray v. United Kingdom*. Application № 18731/91. Judgment of 8 February 1996.

8) *Saunders v. United Kingdom*. Application № 19187/91. Judgment of 17 December 1996.

9) *De Kok v. Netherlands*. Application № 30059/96. Judgment of 26 February 1997.

10) *Van Mechelen and Others v. Netherlands*. Application № 21363/93, 21364/93, 21427/93, 22056/93. Judgment of 23 April 1997.

11) *Foucher v. France*. Application № 22209/93. Judgment of 18 March 1997.

12) *Selmouni v. France*. Application № 25803/94. Judgment of 28 July 1999.

13) *Jasper v. United Kingdom*. Application № 27052/95. Judgment of 16 February 2000.

14) *Rowe and Davis v. United Kingdom*. Application № 28901/95. Judgment of 16 February 2000.

15) *Khan v. United Kingdom*. Application № 35394/97. Judgment of 12 May 2000.

16) *Magee v. United Kingdom*. Application № 28135/95. Judgment of 6 June 2000.

17) *Ilhan v. Turkey*. Application № 22277/93. Judgment of 27 June 2000.

18) *Telfner v. Austria*. Application № 33501/96. Judgment of 20 March 2001.

19) *Allan v. United Kingdom*. Application № 48539/99. Judgment of 5 November 2002.

20) *Perna v. Italy*. Application № 48898/99. Judgment of 6 May 2003.

21) *Vanyan v. Russia*. Application № 53203/99. Judgment of 15 December 2005.

22) *Jalloh v. Germany*. Application № 54810/00. Judgment of 11 July 2006.

23) *Popov v. Russia*. Application № 26853/04. Judgment of 13 July 2006.

24) *Khudobin v. Russia*. Application № 59696/00. Judgment of 26 October 2006.

- 25) *Klimentyev v. Russia*. Application № 46503/99. Judgment of 16 November 2006.
- 26) *Heglas v. Czech Republic*. Application № 5935/02. Judgment of 01 March 2007.
- 27) *Harutyunyan v. Armenia*. Application № 36549/03. Judgment of 28 June 2007.
- 28) *Ramanauskas v. Lithuania*. Application № 74420/01. Judgment of 5 February 2008.
- 29) *Dorokhov v. Russia*. Application № 66802/01. Judgment of 14 February 2008.
- 30) *Perre and Others v. Italy*. Application № 1905/05. Judgment of 08 October 2008.
- 31) *Salduz v. Turkey*. Application № 36391/02. Judgment of 27 November 2008.
- 32) *Mirilashvili v. Russia*. Application № 6293/04. Judgment of 11 December 2008.
- 33) *Levinta v. Moldova*. Application № 17332/03. Judgment of 16 December 2008.
- 34) *Polyakov v. Russia*. Application № 77018/01. Judgment of 29 January 2009.
- 35) *Bykov v. Russia*. Application № 4378/02. Judgment of 10 March 2009.
- 36) *Natunen v. Finland*. Application № 21022/04. Judgment of 31 March 2009.
- 37) *Gladyshev v. Russia*. Application № 2807/04. Judgment of 30 October 2009.
- 38) *Bannikova v. Russia*. Application № 18757/06. Judgment of 4 November 2010.
- 39) *Idalov v. Russia*. Application № 5826/03. Judgment of 22 May 2012.
- 40) *Hümmer v. Germany*. Application № 26171/07. Judgment of 19 July 2012.
- 41) *Veselov and Others v. Russia*. Application № 23200/10, 24009/07, 556/10. Judgment of 2 October 2012.
- 42) *Roman Zakharov v. Russia*. Application № 47143/06. Judgment of 4 December 2015.
- 43) *Navalny and Ofitserov v. Russia*. Application № 46632/13, 28671/14. Judgment of 04 July 2016.

Список литературы

4. Монографии и периодические издания

- 44) Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина, И.Б. Михайловской. М.: Проспект, 2014;
- 45) Кузьмина О.В. Состязательность и справедливость уголовного судопроизводства: международные стандарты и российские правовые традиции // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: 20–21 марта 2015 года. СПб: Петрополис, 2016. В 2-х частях. Ч. 1
- 46) Лапатников М.В. Спорные вопросы толкования критерия пассивного поведения сотрудников правоохранительных органов в контексте позиций Европейского суда по правам человека по вопросу об отграничении правомерного оперативно-розыскного мероприятия от провокации // Российская юстиция. 2016. № 3.
- 47) Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М., 2004.

48) Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.

49) *Никонов М.А.* Условия справедливого судебного разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-процессуальный аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. М.: Статут.

50) *Осипов А.Л.* Судебная проверка жалоб на полицейскую провокацию: применение процессуальных стандартов ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7.

51) *Шестакова С.Д.* Право обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения: европейские стандарты и российское законодательство // Право на судебную защиту в уголовном процессе: европейские стандарты и российская практика / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Издательство Томского университета, 2007.

52) *Reidy A.* The prohibition of torture. A guide to the implementation of Article 3 of the European Convention on Human Rights. 2003. Human Rights Handbooks, № 6 // <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007ff4c>.

5. Авторефераты и диссертации

53) *Осипов А.Л.* Реализация требований статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции: дисс. канд. юр. наук, Москва, 2010.

6. Интернет-ресурсы

54) The official site of the European Court of Human Rights. Violations by Article and by State 2015: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2015_ENG.pdf.

7. Иные источники

55) Guide on Article 6 (criminal limb) of the European Convention on Human Rights. Strasbourg: Council of Europe/European Court of Human Rights. Para. 92 // http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_ENG.pdf.